

Владимир Медведев

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ ПСИХОАНАЛИЗА

Владимир Медведев

**Импровизации
на тему психоанализа**

«Издательские решения»

Медведев В. А.

Импровизации на тему психоанализа / В. А. Медведев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932251-7

Перед вами — импровизации психоаналитика, написанные в жанре свободного ассоциирования. Это своего рода «живой психоанализ», реактивно, в режиме «здесь и сейчас», отзывающийся на события внешней и внутренней жизни. Книга адресована всем, кто прикоснулся к бессознательному: случайно, вынужденно — в силу профессии, или же намеренно, исследуя себя... Прикоснулся, удивился, ужаснулся и задумался: как теперь с этим жить и что теперь с этим делать. Автор книги размышляет о том же...

ISBN 978-5-44-932251-7

© Медведев В. А.
© Издательские решения

Содержание

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ ПСИХОАНАЛИЗА	10
ВВЕДЕНИЕ. ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ	10
1. О МУДРОСТИ ПСИХОАНАЛИТИКА	11
2. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ОСОБЫЙ ТИП САМООТНОШЕНИЯ	12
3. ПСИХОАНАЛИЗ КАК РЕЛИГИЯ	13
4. ПСИХОАНАЛИЗ КАК СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	14
5. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ЗНАНИЕ	15
6. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ	16
7. ЛИЧНЫЙ АНАЛИЗ	17
8. ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ»	18
9. «ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ» КАК «НЕ-ВЕЖЕСТВО»	20
10. ОБ ОБУЧЕНИИ ПСИХОАНАЛИЗУ...	21
11. ЦЕЛЬ ПСИХОАНАЛИЗА	23
12. ПСИХОАНАЛИЗ КАК НЕОМИФ И КАК ПОСТМИФ	24
13. ЭРОС ГОРАЗДО СТРАШНЕЕ ТАНАТОСА...	25
14. ПСИХОАНАЛИЗ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	26
15. РОДОВЫЕ ПУТИ В ПСИХОАНАЛИЗ...	27
16. «РУССКОСТЬ» КАК СНОВИДЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ	28
17. ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ	30
18. О ЗНАЧИМОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ПСИХОАНАЛИЗЕ	31
19. КАК ПОСТИГНУТЬ ПРИРОДУ И СМЫСЛ ПСИХОАНАЛИЗА	32
20. ФРЕЙДИЗМ КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТ...	33
21. ПОДУМАЛОСЬ...	34
22. УРОВНИ БЫТОВАНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА	35
23. ПОДУМАЛОСЬ...	36
24. МИССИЯ ПСИХОАНАЛИЗА КАК ДЕЯТЕЛЬНОЕ ПОКАЯНИЕ	37
25. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ПСИХОАНАЛИЗА КАК ТАЙНА	38
26. О ПСИХОАНАЛИЗЕ КАК ПРОФЕССИИ	39
27. О ПОСТАНАЛИТИЧЕСКИХ ЛЮДЯХ БЕЗ ВРАНЬЯ И КРИВЛЯНИЙ	40
28. ПАРАДОКСЫ НЕВОЗМОЖНОЙ ПРОФЕССИИ: ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ КАК ТОВАР	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Импровизации на тему психоанализа

Владимир Александрович Медведев

© Владимир Александрович Медведев, 2018

ISBN 978-5-4493-2251-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Признаюсь – я не писал эту книгу...

Она написалась сама, родилась в живом общении на психоаналитические темы с коллегами-психоаналитиками, с представителями смежных профессий – психологами, психотерапевтами, психиатрами, а также – с людьми, далекими от практик соприкосновения с бессознательным, но интересующимися психоанализом, пытающимися понять его, как-то для себя сформулировать и на себя примерить.

Особенности моей «психоаналитической ориентации», совмещающей в себе верность классическому фрейдовскому психоанализу и активную приверженность проекту возрождения и развития российской психоаналитической школы, для многих моих собеседников выступала и выступает поводом для заинтересованного общения, часто – для возражений и споров.

В спорах, вроде бы, должна рождаться истина, но не в данном случае.

В пространстве психоанализа вообще нет никаких истин; у нас все текуче и предельно субъективно: все только о себе, все возникает реактивно, существует только здесь и сейчас...

Это «здесь и сейчас», переживаемое нами, подключается ко всей совокупности нашей памяти (осознаваемой и неосознаваемой), отзывается эхом на всех глубинных уровнях нашей психической организации, и... уходит в эти глубины. Мертвеет там, превращается в бесплотную тень, становится прошлым опытом, который оживает только при его случайной символической актуализации.

Оживает, когда кто-то или что-то напомнит нам о нем, наполнит эту тень живым смыслом и выплеснет ее в мир в качестве желания, поступка или идеи.

Вот такими идеями, поднимавшимися в последнее время из глубин моей Души и вызванными к жизни моими реакциями на те или иные события или мысли, я и наполнил эту книгу.

Содержание ее полностью соответствует названию: это и вправду несколько сотен импровизаций на тему психоанализа.

Они никак не связаны между собой, т.е. для вас – не связаны. А для меня все они являются маленькими паззлами единой картины моей «психоаналитичности», т.е. того результата многолетнего «прохождения психоанализа», который сформировался у меня на сегодняшний день.

Но вам эта картина недоступна и потому каждый из ее фрагментов, высланных мною на страницы этой книги в произвольном порядке, ценен, как мне представляется, сам по себе – теми ассоциациями, мыслями, чувствами, которые он у вас вызовет, воспринимаемый в любом варианте: от заинтересованного принятия до полного отторжения.

Главное, и я в этом уверен, эти мои импровизации никого не оставят равнодушным.

Почему я так считаю?

Прежде всего потому, что реакция на них проверена в ситуации их первого, изначального, появления на свет. Я отобрал для вас из множества своих коротких эссе и заметок, отдельных мыслей и рассуждений, написанных в последнее время, именно эти, потому что они все без исключения вызывали достаточно бурную реакцию у моих собеседников. Становились поводом для обсуждений, взаимных инсайтов, порою – для ожесточенных интеллектуальных столкновений и даже эмоциональных штормов немалой «балльности». Но равнодушными они не оставляли никого...

К тому же все мои импровизации в той или иной степени провокационны, ведь я в них проговариваю то, что принято скрывать от чужих глаз и ушей, когда мы публично говорим о психоанализе.

И прочитав эту книгу, вы узнаете о «внутренней кухне» психоанализа, о множестве интимных тайн, которые связаны с нашей «психоаналитичностью» как психическим состоянием, профессией и образом жизни, о разногласиях, разрывающих ныне единое ранее психоаналитическое сообщество, о проблемах, связанных с развитием психоанализа в России... Короче – обо всем том, что не принято выносить на публику из нашей «психоаналитической избы».

Не принято – а зря... Можно хранить равнодушное молчание, лишь многозначительно улыбаясь друг другу, подобно нашим античным коллегам – авгурам, когда психоаналитический миф прочно вошел в культуру, а психоаналитические практики стали привычным элементом обыденной «заботы о себе».

Но если это пока что явно не так, если мы видим фоновое сопротивление отечественной культуры уже не первой попытке навязать ей привозные варианты теории и технологии работы с бессознательным, если все опять нужно начинать с самого начала и выращивать отечественный психоанализ на российской почве естественным образом – «путем зерна», то о проблемах психоанализа и «психоаналитичности» нужно не молчать, а говорить.

И говорить, вовлекая в этот разговор как можно большее количество заинтересованных людей; желательно – всех тех, кто вообще понимает, о чем тут идет речь.

Ведь где мы найдем заинтересованность в контактах с бессознательным, в ком обнаружим талант деятельного соприкосновения с последним – заранее никто сказать не может. В начале 90-х, когда психоаналитический проект в очередной раз пришел в Россию, кто только на него не откликнулся: от философов (к которым и я себя тогда причислял) до инженеров-электротехников, начальников поездов и учителей географии.

И все они (а точнее – все мы) отозвались тогда на зов живого психоанализа: не книжного, не дидактического, и тем более – не профессионального, а живого, т.е. происходящего с нами здесь и сейчас. Пугающего и привлекательного, интересного и отталкивающего, влезающего в Душу и играющего с нашими телами...

Таким вот живым психоанализом я и наполнил для вас эту книгу. Живым потому, что я превращал в текст живые, буквально – новорожденные, мысли, чувства и желания.

Возможно, я был в ней излишне откровенен, но пожалею об этом как-нибудь потом.

Книгу эту можно читать с любого места; на какой странице вы бы ее ни открыли – там будет ждать вас дверка в пространство «психоаналитичности», за которой открывается целый мир. Мир, радикально отличающийся от нашей обыденности, считающийся даже ее негативом, мир, местами страшный, но по-своему красивый, интересный и даже местами уютный. Особенно для тех, кто не просто с любопытством поглядывает в сторону здания психоанализа, построенного некогда Фрейдом, а уже живет в нем и работает, либо – претендует на поселение и прописку.

Главное же в том, что эта книга задает читателю множество вопросов (которых в моих импровизациях гораздо больше, чем утверждений или гипотез).

А сформулировать новые вопросы там, где все вроде бы договорились о некоем понимании и спрятались за ним, как за стеной, от того, что Фрейд назвал «истинно реальным психическим», это – дорогого стоит!

Уж поверьте...

Ну вот. Я сказал, что хотел сказать тому, кто решился открыть эту книгу.

Теперь наши пути расходятся.

Вы, я надеюсь, потратите небольшую часть своей жизни на поглощение и «переваривание» моих импровизаций, содержащих все то, что меня волнует здесь и сейчас по поводу психоанализа. Психоанализа во мне, психоанализа в вас, психоанализа в России, психоанализа как культурного феномена мирового масштаба.

Признаюсь – я не писал эту книгу...

Она написана сама, родилась в живом общении на психоаналитические темы с коллегами-психоаналитиками, с представителями смежных профессий – психологами, психотерапевтами, психиатрами, а также – с людьми, далекими от практик соприкосновения с бессознательным, но интересующимися психоанализом, пытающимися понять его, как-то для себя сформулировать и на себя примерить.

Надеюсь, что и вам все это тоже интересно. И мои импровизации станут поводом для того, чтобы в поле этого интереса попали новые, ранее скрытые от вашего внимания, аспекты психоанализа и «психоаналитичности». А те метафоры, которыми мои заметки вас наполнят, позволят ухватить в представлении и мысли те сферы нашего опыта, которые непосредственно соприкасаются с бессознательным и ранее были вам не доступны.

Ну а я буду развивать свою «психоаналитичность» дальше, с готовностью принимая и ее удары, и ее дары. Среди последних, кстати говоря, самый главный – это именно творческий дар. Благодаря которому и рождаются в фоновом режиме такие вот импровизации.

Сегодня родилась вот эта; ею и завершаю предисловие к книге:

«БСЗ есть то самое Нечто, к которому мы неявно обращаемся, когда заслуживаем боли и смерти... Это своего рода садист и киллер, которому мы себя заказываем. Но с помощью ПА можем попытаться отменить этот заказ или, по крайней мере, отсрочить его исполнение».

25 июля 2018 г.

Санкт-Петербург

* * *

Хочу перед лицом читателей поблагодарить мою жену Ирину за ее долготерпение и поддержку. Без нее эти кусочки никогда бы нерослись и не стали книгой.

И большое спасибо всем моим собеседникам, общение с которыми породило эти мои реактивные импровизации на тему психоанализа.

Особо подчеркну продуктивность общения с Владимиром Смирновым, Яной Дубейковской, Александром Савченковым, Ярославом Коряковым, Юлией Метельской, Вадимом Барсуковым, Ольгой Одинцовой, Суреном Каспаряном, Марией Машовец, и многими-многими другими...

* * *

Тех читателей, которые пожелают продолжить знакомство с моими психоаналитическими размышлениями, я приглашаю на свой персональный сайт – www.medvedevvladimir.ru

Там выложены в свободном доступе многие мои статьи и отрывки из книг.

Все мои публикации по прикладному психоанализу, вышедшие в свет в ежегодниках «Russian Imago. Исследования по психоанализу культуры» можно прочитать и обсудить на интернет-портале данного проекта – www.russianimago.com

Ну а всех тех, кто захочет «живьем» послушать мои психоаналитические импровизации, приглашаю в наш Санкт-Петербургский психолого-аналитический центр.

Информацию об организуемых центром лекциях и семинарах можно найти на его сайте – www.spbanalytic.ru – или на репликах этого сайта во всех социальных сетях.

* * *

И, напоследок, о тех сокращениях, которые я использовал в этих своих импровизациях (без особого умысла, просто для краткости):

ПА – это «психоанализ» в его изначальном понимании, т.е. как нечто производное от личности, судьбы и наследия Зигмунда Фрейда;

ЗФ – это Зигмунд Фрейд, но не как человек (в этом качестве он именуется без сокращений), а как персонификация психоанализа (ПА), олицетворение его смыслов, концепций и процедур;

БСЗ – это «бессознательное»; для пояснения тут можно написать еще одну книгу импровизаций (Лакан, говорят, генерировал новое определение БСЗ ежедневно); но вкратце все же поясню – речь идет о БСЗ как субъекте управляющей и карающей воли, производной от опыта выживания наших предков и нашего опыта индивидуации;

ФБ – это Фейсбук, та самая сетевая среда, индивидуальное и групповое общение в которой реактивно породило у меня основную массу данных импровизаций; прямо как в сказке: забросил сеть в глубины своей Души и вот он – чудесный улов...; только тут наоборот – Душу забрасываешь в Сеть, но это уже детали лова, а результат все равно налицо;

МПА – это IPA, т.е. «International Psychoanalytical Association» («Международная психоаналитическая ассоциация»), в сокращенном написании ее наименования, переведенного на русский язык; но не сегодняшняя IPA, которую я в тексте книги так и обозначаю, а та МПА, которая была создана Фрейдом, Юнгом и Ференци, возглавлялась, после ухода Юнга, поочередно членами Тайного комитета и отличалась от нынешней IPA примерно так же, как организация христианской общины времен проповеди Христа и деяний Апостолов отличается от современной церковной организации.

НФП – Национальная Федерация Психоанализа; самое представительное российское психоаналитическое сообщество, созданное в 1997 году решением ряда московских и питерских психоаналитических организаций; была ликвидирована в 2007 году с связи с принудительным слиянием с ЕКПП;

ЕКПП – Европейская конфедерация психоаналитических психотерапий; организация, членами которой являются многие мои собеседники, в связи с чем она часто упоминается в моих импровизациях как пример «медикоцентристского» отклонения от классической «психоаналитичности».

ИМПРОВИЗАЦИИ НА ТЕМУ ПСИХОАНАЛИЗА

ВВЕДЕНИЕ. ОБ ИЗНАЧАЛЬНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ

Психоанализ изначально был попыткой сохранить на пороге 20-го века верность исторической и культурной традиции в мире, сходящем с ума и начинающем игры на запретной ранее территории неосознаваемых влечений.

Психоаналитики первыми научились прорабатывать эти влечения у себя и получили право уводить из социума людей, воспаленно заряженных ими (и покрывавшихся симптомами как подросток прыщами), в маленький мир своих кабинетов, где под чутким присмотром решали этим влечениям вербально и эмоционально воплощаться.

Так, повторяю, все было изначально. Но времена изменились, и сегодня практически все запреты сняты (причем во многом – как раз благодаря психоанализу). И запретные ранее влечения, реализовавшись, сформировали и новую культуру, и новую цивилизацию, и подключенного к ним нового человека.

Чем же мы теперь занимаемся в тиши своих кабинетов? По какому образу и подобию творим свои маленькие миры и чем заманивает туда их обитателей?

Тут есть много ответов, ведь каждый, кто переступает порог такого кабинета видит там только то, что сам туда и приносит.

Для меня же этот наш маленький мир есть своего рода резервация, где хранится память о том, еще не новом, а ныне – «ветхом» мире, с его уже забываемой «инаковостью»: иными формами общения, иным языком, иными смыслами, иными ценностями, иными символами. И иным, телесным, а не «гаджетовым», типом подключения людей друг к другу.

Эта память, эта своего рода «резервная копия» классической человечности, переставшей воспроизводиться естественным путем в начале прошлого века, изначально была демонстрацией нормы, на которую, как на камертон, настраивались оттаскиваемые от нее временем, но тянущиеся к ней, страдалцы. Позднее она стала своего рода лекарством, все увеличивающиеся дозы которого помогали людям, желавшим оставаться людьми в классическом понимании этого состояния, делать это несмотря ни на что. Потом она стала приманкой для тех, кто отчаялся в мире торжествующего нарциссизма найти человека, каких теперь не делают – способного заинтересованно слушать и говорить не только о себе.

А сегодня? Сегодня, пожалуй, те немногие коллеги, которые еще сохраняют верность чистой классике нашего жанра, маркируют своим присутствием зоны особого элитарного опыта, своего рода – путешествия на машине времени в мир, где думают и сопереживают, анализируют и испытывают озарения, фантазируют и обсуждают сны, находясь в поле иной, классической, уже практически утерянной, культуры.

И главное – где можно посредством опытного медиума пообщаться с той неведомой, но всевластной силой, которая порождает нас, управляет нами и наказывает нас за то, что мы, не понимая ее языка, с самоубийственной опрометчивостью противоречим ее воле.

1. О МУДРОСТИ ПСИХОАНАЛИТИКА

Архетипически психоаналитик расположен на пересечении зон архетипической ответственности Героя и Мудрого Старца.

Героическая мудрость, в свое время афористичнее всего выраженная царем Соломоном – «И это пройдет», позволяет принимать неизбежное. Быть консерватором, отстаивая сверценность стабильности там, где все вопят от боли и дрожат от бессильной злобы. В том числе и злобы на тебя, утверждающего, что любое уклонение от страдания только ухудшит ситуацию. Потому что страданиями мы умиловитим БСЗ, а сопротивлением – разгневаем его.

Героическая мудрость – это непротивление и злу, и добру (ведь это одно и то же, только увиденное с разных ракурсов). Это позиция невмешательства – пускай все просто движется по привычному руслу, позволяя нам жить опытом заложенных в нас схем. Все это не нашего ума дело и не наш уровень ответственности...

Героическая мудрость – это способность «стоять, как ступени, когда горящая нефть хлещет с этажа на этаж»... Ведь только это качество позволяет нам заниматься целительством, т.е. лечением посредством предъявления своей психики людям, чья психика нестабильна.

А если ты сам все время нестабилен, борешься за прогресс и свободу, прыгаешь по май-данам, какое из тебя лекарство?

Чем ты можешь помочь?

Или хотя бы – можешь ли ты не навредить?..

2. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ОСОБЫЙ ТИП САМООТНОШЕНИЯ

Психоанализ – это особый тип самоотношения и особый тип психической саморегуляции, на который нет запроса ни у кого, кроме его собственного «носителя».

Но по результатам переживания этого психоанализа человек становится более эффективным в своей профессиональной деятельности. И добавлю, что ЗФ, как врач не очень успешный в своей практике, применил результаты своего анализа к своей профессии и преуспел. Но это совпадение не означает, что ПА есть разновидность психотерапии. Хотя человек, проходящий анализ, несомненно подтвердит его терапевтический эффект. А точнее – эффект трансформации глубинной психодинамики, который отключает (порою) симптоматику от каналов выражения осознаваемых конфликтов. Но какой ценой...

Можно даже сказать, что терапевтический эффект есть разновидность естественного сопротивления психоанализу, так сказать – последняя попытка остановить безумца перед прыжком в бездну.

3. ПСИХОАНАЛИЗ КАК РЕЛИГИЯ

Не так давно (в порядке бреда, конечно, но как известно на доньшке каждого бреда есть зерно недоступной обыденному сознанию истины) я писал, что если бы изначально (или хотя бы 15 лет тому назад) мы зарегистрировали бы в России психоаналитическое сообщество как религиозное объединение, выстраивающее ритуалы поклонения БСЗ как невидимому и всемогущему божеству, то сегодня мы работали бы легально, в полном соответствии с законом, и в клиниках, и в школах и даже в тюрьмах. И науку бы свою придумали и любой, кто косо бы в нашу сторону посмотрел и оскорбил наши нежные чувства, быстро бы об этом пожалел...

Так что маскировка под науку не всегда приносит наилучшие плоды...

4. ПСИХОАНАЛИЗ КАК СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

А нет такой специальности, и быть не может. Как нет специальности «религиозная вера», хотя есть верующие и они даже организованы в некое сообщество. Психоанализ – это особый тип самоотношения и особый тип психической саморегуляции, на который нет запроса ни у кого, кроме его собственного «носителя».

Но по результатам переживания этого психоанализа человек становится более эффективным в своей профессиональной деятельности. И потому для закрепления данного эффекта психоанализ может функционировать как некое дополнение к самому широкому спектру профессий и специальностей.

Ну а научная степень по психоанализу – это вообще бессмыслица. Научностью в психоанализе и не пахнет. Но как же теология – спросите вы... Но у нас есть целый две «теологии», симулирующих исследование души, т.е. того, что рациональному исследованию не подлежит – психология и философия. Где при желании мы можем получать научные степени. Я, к примеру, выбрал вторую, представив психоаналитическую интерпретацию как подраздел герменевтики. Почему бы и нет?

Но защищаться по психоанализу – это бессмыслица. Достаточно нам того, что свое «Толкование сновидений» ЗФ написал как пародию на научную диссертацию. По психоанализу даже диплома невозможно защитить, как известно...

5. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ЗНАНИЕ

Мы редко это формулируем, но Фрейд не оставил нам никакого знания. Ведь контакт с БСЗ всегда конкретен и неповторим, т.е. никаких фактов и тем более гипотез на его основе не создашь. Возможны только описания, метафоры и объяснительные спекуляции. А это все из области иллюзий и фантазий; тем более – относительно природы БСЗ, о котором мы принципиально ничего знать не можем. Так что все психоаналитическое «знание» – это совокупность метафор и спекуляций, принимаемых на веру.

С одним исключением: Фрейд реально, т.е. вне контекста генерируемых им иллюзий, показал, что можно, погружаясь в свои сны, детские фантазии и комплексы войти в контакт с некоей силой, породившей нас и тотально управляющей нами. А потом как минимум достигнуть с нею компромисса и снять те конфликты, за которые она нас мучает и убивает. А как максимум – понять ее природу и создать методику превращения этого уникального опыта в более или менее стандартизированную процедуру. Понять и создать ему это удалось в режиме самопознания, разновидностью которого он в своих ранних Лекциях и объявил психоанализ.

Т.е. понять и создать по отношению к самому себе.

И вот это можно считать предназначенным для нас реальным знанием. Считать можно, по понять и освоить – непросто. И то и другое возможно, если мы будем знать о нем, о человеке Зигмунде Фрейде, все, вглядываться в каждую его фотографию и повторять его опыт как можно ближе к первоисточнику.

Это как идти в Зону четко по следам Сталкера и вступать только туда, куда он уже бросал свои гайки...

6. ПСИХОАНАЛИЗ КАК ТРАВМАТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Ресурс «человечности» как таковой нарастает в нас травмами и только травмами. И даже наше сознание, по Фрейду, есть защитная пленка, ороговевшая и выжженная от воздействия травмирующих агентов. Психоанализ же, создавая невыносимый в обыденной позиции травматический опыт, формирует у нас еще одну защитную пленку, позволяющую нам в пещере «человеческой ситуации» поворачиваться к Солнцу и смотреть на него. Т.е. вне сновидческой позиции соприкасаться с БСЗ.

Это как раз понятно... Непонятно как эти способности и особенности нашей психической организации (нашу «проанализированность») можно превратить в профессию. Как это сделать помимо терапии, где Фрейд научил нас проявлять свою уникальность в невыносимом для врача поведении – в позиции «нелечения», т.е. терапевтической нейтральности, запускающей у пациента ресурс регрессивного самоисцеления (переформатирования психики).

В силу особенностей своей психической организации мы не мучаемся, мучая другого. Нам просто интересны его конвульсии и симптоматика того невроза (и это в мягком варианте), который мы у него формируем на базе нашего с ним «общения» (а точнее – в ходе затаскивания его в те формы регрессивного опыта, где защищены только мы, а он гол и беззащитен). Невроза, одним из симптомов которого является, кстати говоря, навязчивое желание отдавать нам деньги...

Тут и профессиональное воплощение и монетизация нашей «инаковости» понятны...

А вне клиники?

7. ЛИЧНЫЙ АНАЛИЗ

Заниматься психоанализом, прилагать его во-вне, можно лишь имея его в себе. Странное, кстати, словосочетание – «личный анализ»... А что – бывает обезличенный? Странно тут и еще одно обстоятельство. Всех, кто подобен нам в стремлении зафиксироваться в особой позиции по отношению к БСЗ, называют обычно по имени избираемого ими для этого состояния – тех же верующих, к примеру, или же – влюбленных. А вот тех, кто пострадал на этом пути обозначают по названию патогенного фактора, их надломившего. Тех же алкоголиков или наркоманов. Так вот, по логике языка «психоаналитик» – слово из второй группы.

Что странно... Или же нет?

8. ОБ АМБИВАЛЕНТНОСТИ «ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ»

Впервые я столкнулся с этой дилеммой (а точнее – амбивалентностью) восторга и отвращения по отношению к содержанию своих мыслей, откровений и переживаний периода обретения собственной «психоаналитичности» тогда, когда начал перерабатывать свои старые материалы (тексты лекций, протоколы выступлений на Пятницах, архивные записи и письма) для опубликования.

Прав был наш великий коллега Гераклит – нельзя дважды войти в одну и ту же точку потока того, что в нашем случае было обозначено еще классиком как «психоаналитическое движение». Т.е. непрерывного потока того спиралевидного погружения (куда?), которому мы отдаемся в тот момент, когда выбираем «красную таблетку» и заглядываем за покрывало защитных иллюзий. И это не пафос, это правда, причем весьма горькая...

Отдавшись этому потоку, мы уже ни при каких условиях не можем вернуться в изначальную позицию «обыденного» себя- и миро-понимания. И навсегда обречены говорить о людях – «они». Но...

Но мы всегда можем притормозить и даже остановиться, выбрав для себя максимально комфортный уровень фиксации «фантазмов погружения» средствами логики их рационального истолкования. Тяга к подобного рода «остановке психоаналитического движения» заложена в каждом из нас как постыдная слабость, как защита от нуминозного провала, как страх потерять себя и остаться без опоры для своего персонального Я... Своего персонального Я, отрицаемого нами как ценность, но горячо любимого и защищаемого. Мы ведь не буддисты и задачу прекращения существования в качестве Я перед собой не ставим.

Эта тяга к «остановке» – естественное желание за что-то зацепиться в этом потоке (а точнее – воронке) перманентного продуктивного самоотношения, в которую нас заманил ЗФ. Вспомним хотя бы его «Толкование сновидений» – каждая глава как отрицание предыдущей, как посвящение в новые тайны, которые уже через десяток страниц объявляются бредом и заменяются еще более «сакральными» откровениями.

Каждый из нас, пошедший по этому пути, сам решает, где ему остановиться. Сам ЗФ сделал вид, что остановился на самой грани тотального ужаса, написав 7-ю главу «Толкования сновидений». Сделал вид и тут же оброс, как причал лодками, последователями и пациентами, которым, как я уже отметил выше, нужно было за что-то зацепиться в этом потоке...

На самом же деле он всех их обманул: он не останавливался, он нырял все глубже и глубже, но уже никому не мог об этом рассказать (вспомним те 7 работ по метапсихологии, написанных им в 1915—17 годах, не опубликованных им и впоследствии уничтоженных). Он не мог рассказать о своем развитии тем, кто ждал от него стабильности. Не мог дать толчок для скольжения в тьму тем, кто нуждался лишь в догмате...

А в 1926 году, когда он не выдержал и снова позвал их в поход, они просто сделали вид, что не услышали. А он пошел дальше без них... И это, опять же, не пафос, это выбор каждого из нас.

P.S. Ну и для снижения уровня пафосности – немного о хлебе насущном...

ЗФ ведь никогда не скрывал, что в ПА мы имеем дело только с собой, с соотношением своего Я, выраженного в словах, и своего Нечто, выраженного в желаниях.

Никакого Другого, помимо интенции собственного желания, тут нет, как нет (и быть не может) никакого знания о Другом (его проблемах, и пр.). И тут (но только тут) ПА сверхценен, поскольку дает ориентиры в пространстве самоотношения, позволяет превратить его в огромный мир, который у обычных людей съезживается в несвязную какофонию сновидений

и принудительные объективации системы «сознание-восприятие». И все здесь великолепно, кроме одного – тут нет корма...

Но как только мы останавливаемся в своем «психоаналитическом движении» и публично об этом объявляем, тут же появляются целые горы этого «корма», только успевай рот открывать.

Но при одном условии, известным всем нашим коллегам – глубинным психологам – со времен начала человеческой истории (еще с древних шаманских практик).

Остановившийся в своем «психоаналитическом движении» человек по инерции генерирует массу образов и рационализаций, позволяющих ему выйти из потока перманентной трансформации.

Предъявленный массе обычных людей, которые также несутся по этой спирали, даже не подозревая об этом, такой человек превращается в Учителя и Пророка. Он ведь генерирует веру, без которой их мир просто рухнет.

И по этой вере ему даруется власть над людьми.

Но при одном условии – он должен явить чудо...

9. «ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ» КАК «НЕ-ВЕЖЕСТВО»

По содержанию первичных языковых смыслов «невежда» – это слепец. Он не видит, но не в физическом смысле. Помните у Пушкина: «Поэт идет, открыты вежды, но он не видит никого...». Почему? Потому, что его зрение перефокусировано, направлено вовнутрь его души.

Психоанализ также имеет целью подобного рода перефокусировку – у психоаналитиков в обязательном порядке, у клиентов – по возможности.

И потому «невежество» – это результат аналитической процедуры, а «неведение» – это базовое техническое требование. Поскольку все, что мы ведаем в этом мире суть мнимости, не позволяющие нам услышать голос БСЗ. Как солнечный свет мешает увидеть звезды...

P.S. Но поэтическая «слепота» все же не психоаналитична. Психоаналитическая (эдипова) слепота натужна, результативна, по типу: ковырял, ковырял и тут как хлынет...

Поэт же, как мне представляется, рожден в этом потоке.

Для прояснения же своего состояния ему лучше сходить к юнгианцам.

Только зачем?

10. ОБ ОБУЧЕНИИ ПСИХОАНАЛИЗУ...

С позиции адепта, входящего в ПА по «пути Книги», обучающий его преподаватель выступает персонифицированным воплощением того или иного психоаналитического Пророка, явившего миру изучаемый вариант «знания о БСЗ», т.е. набор защитных рационализаций и ритуалов, позволивших ему самому пережить соприкосновение с последним. В начале обучения речь тут идет исключительно о Зигмунде Фрейд, а дальше уже идут варианты, в интервале от Лакана до Спотница, в рамках персонального соприкосновения которых с БСЗ преподаватель фиксирует свою «психоаналитическую позицию».

Для самого же преподавателя процесс обучения (если только это и на самом деле обучение психоанализу, а не его имитация) тождественен его перманентному самоанализу, причем проводимому публично, в режиме дидактической эксгибиции. Он буквально в жанре античного прорицателя (или – пифии) генерирует актуальное психоаналитическое «квази-знание», т.е. набор реактивных рационализаций и метафор, производных как от психодинамики освоения им его собственной «психоаналитичности», так и от провоцируемой его эксгибицией групповой психодинамики.

Отсюда следуют многочисленные требования и запреты, делающие психоаналитическое обучение (как один из массовых видов «психоаналитической практики») не менее нормированным, чем психоаналитическая терапевтическая процедура.

Здесь же я хотел бы проговорить лишь те требования и запреты, которые касаются взаимоотношений двух неразделимых половинок психоаналитического тренинга: «обучения психоанализу» как освоения базовых рационализаций и метафор, производных от чужого опыта соприкосновения с БСЗ, и «прохождения психоанализа» как обретение и закрепление опыта собственной «психоаналитичности».

– Обучение психоанализу не должно предшествовать его прохождению. В идеале адепт идет следующим путем: из пациента постепенно трансформируется в анализанда, не психоанализируемого другим, а психоанализирующего себя в присутствии другого. Затем уже, нуждаясь в рациональном закреплении пережитого и перевода его результата в режим защитного отыгрыша, анализанд может начать свое «обучение», облегченно и радостно заимствуя чужой опыт (причем в основном – опыт чужих ошибок). Освоив эти чужие ошибки, он перестает быть «диким» психоаналитиком, отличительная особенность которого как раз и заключается в том, что он учится на своих ошибках, а не на чужих.

Тренинговые аналитики, как раз и ответственные за то, чтобы квалификационно подтвердить обоснованность трансформации того или иного пациента в анализанда и поддержать динамику такой трансформации, сами ни в коем случае не должны преподавать. И не только потому, что в учебной группе могут быть адепты, проходящие у них анализ (тут все непросто, но последствия этого извращения можно, в принципе, проработать и интегрировать в аналитический процесс). Данный запрет основан на гораздо более серьезных вещах: преподавание психоанализа методически настолько радикально противоположно тренинговой аналитической работе, что вовлеченность в преподавательскую практику не просто требует особого типа «психоаналитичности» (манифестной, текучей, персонально нагруженной, эго-центрированной, неудержимо проективной, и пр.), но и необратимо ее переструктурирует.

Преподаватель же психоанализа, не просто не должен сам стремиться к проведению «психоаналитической практики» в области «кушеточного пути в психоанализ»; этого мало – его категорически нельзя допускать в эту сферу профессиональной деятельности ни при каких условиях.

Смею даже утверждать, что три базовые разновидности «психоаналитической практики» – клинический анализ, прикладной анализ (т.е. совокупность социокультурных психоаналитических практик) и преподавание психоанализа – настолько различаются по тем требованиям, которые они предъявляют подготовке, психическому состоянию и, если можно так выразиться, типу «психоаналитичности» своих «актеров», что смешивать их не должно. На практике такое, к сожалению, случается, но моя позиция тут неизменна; и, немного перефразируя Поэта, ее можно выразить следующим образом: «а смешивать три этих ремесла есть тьма искусников, я не из их числа...

И все же что, при всех различиях, объединяет эти профессиональные позиции, делает их психоаналитическими? Прежде всего, конечно же, единый по содержанию опыт обретения «психоаналитичности»; это, конечно, главное.

Плюс – наличие «четвертой профессиональной позиции», т.е. профессиональной активности психоаналитика-исследователя.

Который нагружает метапсихологическими спекуляциями и оперативными метафорами тот воз, который эти лебедь, рак и щука тянут в различные стороны.

И тем самым придает ему, этому возу психоанализа, устойчивость...

11. ЦЕЛЬ ПСИХОАНАЛИЗА

Целью ПА является не разработка и применение «современных методов работы с пациентами», а сиюминутное, в режиме «здесь и сейчас», вслушивание в голос БСЗ и понимание тех сообщений, которые оно нам передает через своих посланцев.

Понимание и трансляция их смыслов в культуру...

По крайней мере это и есть ПА по Фрейду.

12. ПСИХОАНАЛИЗ КАК НЕОМИФ И КАК ПОСТМИФ

Психоанализ начинался как неомиф, как некий фонтан веры, пробившийся сквозь ороговевшие пласты постхристианской мифологии. И сразу же стал некой приватной микрорелигией, своего рода – катакомбной Церковью, проводившей в тишине и тайне свои ритуалы культа БСЗ на кушеточных алтарях.

Но в тело социума в данном качестве наш миф так и не вошел, став одним из фундаментальных оснований реактивной постхристианской культуры, не более, но и не менее того.

Он смягчил удар смерти двухтысячелетнего бога (а точнее – удар понимания того, что этот бог реально умер две тысячи лет тому назад, и оживал лишь в границах нашей веры, иссякшей и переставшей его воскрешать). Но программа Фрейда и Юнга – «религию должна заменить другая религия» – так и не была исполнена.

И сейчас психоанализ – это постмиф, доживающий свое в душах своих последних адептов, проповедующих уже камням в пустыне. Это видно по превращению веры в «осознавание», мистерии в технологию, а чудес трансформации – в «улучшение качества жизни».

И на самом деле это – нормально. Мифы не вечны, они живут и умирают. Просто у некоторых из них, сумевших стать религией, жизнь естественным образом продлевается, а смерть продлевается искусственным образом, становясь максимально замедляемой социальной катастрофой.

Но это не про нас, хотя такой шанс у нас явно был (а в России – даже дважды).

13. ЭРОС ГОРАЗДО СТРАШНЕЕ ТАНАТОСА...

Говоря о «первичных позывах» БСЗ, не стоит забывать о том, что Эрос гораздо страшнее Танатоса. Это та сила родовых инстинктов, которая гонит рыб на нерест и т. п. Эрос убивает нас злобно и мучительно, как только мы пробуем противопоставить свое Я этим родовым влечениям (именно так ЗФ научил нас понимать, к примеру, онкологию).

С Эросом нельзя заключать договоров, ему нужно просто служить на алтаре сексуальности. Случить телесно, или же, по крайней мере – сублимированно (в том числе – на психоаналитической кушетке). Служить, добывая себе этим право на жизнь.

А вот с Танатосом «культурный договор», как писал Фрейд в 1915 году в своих «Современных мыслях о войне и смерти», вполне возможен. И мучительные жертвы, которые мы ему по этому договору приносим, не мешают нам отстаивать свое право не быть лишь носителями родовых инстинктов, а скорее дают нам это право...

Кстати об Эросе: после вхождения в анализ ЗФ отметил у себя резкое снижение полового влечения, приведшее к полному прекращению сексуальной жизни. А ведь до того он был весьма сексуален и даже корил себя за несдержанность после шестой беременности жены, угрожавшей той вполне вероятной гибелью. Он был настолько удивлен такими переменами в себе, что даже, как мы знаем, переспал с сестрой жены проверяя, не стал ли импотентом.

Нет, не стал... Но из-под власти Эроса вышел. За что, кстати, и расплатился многими годами борьбы с раковой опухолью. Которую проинтерпретировал как приказ взбешенного Эроса соматическим клеткам стать клетками зародышевыми и начать спонтанное деление...

14. ПСИХОАНАЛИЗ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

При всем уважении, а местами и любви, к братьям нашим меньшим юнгианцам, я все же настаиваю на том, что они, как и прочие выходцы из классического психоанализа, забрали себе только часть его содержания. Хотя, не скрою, самую лакомую часть.

Но сотрудничество наших школ может быть основано именно на взаимном дополнении. Как это может быть у части и целого? Дело в том, что развитая в аналитической психологии часть психоанализа в самом психоанализе (проект «Imago») по ряду причин постепенно заглохла и деградировала. А поначалу мы и тут были лидерами – один Геза Рохайм чего стоил! Среди этого «ряда причин» стоит отметить прежде всего «терапевтическую прагматику».

Ведь та часть психоанализа, которую развивали юнгианцы – учение о первичном БСЗ и наследуемых схемах развития как своего рода «глубинных универсалиях», клинически применима (и изначально, и на сегодняшний день) только по отношению к тому, что принято называть шизофренией.

А психоанализ не работает с шизофрениками в силу соответствующего «первородного табу».

15. РОДОВЫЕ ПУТИ В ПСИХОАНАЛИЗ...

Еще в середине 90-х мною была разработана программа «врастания» адепта в психоанализ через личность и судьбу ЗФ. Называлась она «Человек ЗФ и природа классического психоанализа». Там на основе особенностей «семейного романа» ЗФ, его симптоматики, его сновидений, и пр. были реконструированы 72 личных комплекса основоположника психоанализа и привязаны к соответствующим постулатам и техникам психоанализа как их реактивной компенсации.

Проблема тут только в том, что это – явным образом закрытое от непосвященных знание, которое потребно только реально «рождающимся во Фрейде» психоаналитикам. Но лично я таковых давно уже не встречал.

Вокруг одни имитации... Правда, не буду кривить душой, имитации порою довольно изощренные.

Нынешние же немногочисленные «истинные психоаналитики» рождаются в основном через Лакана, т.е. своего рода кесаревым сечением («королевской дорогой»), минуя естественные родовые пути.

Но хоть как-то еще рождаются, и слава Богу!..

16. «РУССКОСТЬ» КАК СНОВИДЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

«Русскость» – прилагательное без существительного, при помощи которого мы себя культурально идентифицируем, фактически означает, что мы еще не сотворены, нас, русских, еще нет в реальности, мы еще созреваем в некоем поле смыслов и чувств, лишь готовясь воплотиться в нечто конкретное, существенное и существующее (существительное).

Мы вписаны в волю национального типа БСЗ как творящего нас процесса. Соответственно, мы просто не в состоянии увидеть и оценить этот процесс со стороны (как вынашиваемый плод не может увидеть свою беременную мать взглядом стороннего наблюдателя). Нам нужен проективный образ, вглядываясь в который мы могли бы понять себя, т.е. вспомнить, воспроизвести, рационализировать заложенную в нас наследуемую схему развития.

Так давайте же попробуем вспомнить себя и смоделировать искомую идентичность. Из русского чего-то, сделаться просто кем-то. Прекратить прилагаться к чему угодно и начать существовать.

Что для этого нужно? Только одно – адекватный образ, аналог, матричная форма, в которую может воплотиться, в которой может быть воспринят, понят и прочувствован носитель «русскости», в которой он может быть вписан в реальность и объектно в ней зафиксирован.

Может ли стать таковой матрицей предложенный некогда Фрейдом (а точнее – постфрейдистскими интерпретаторами его книг) образ русского как Человека-Волка? Нет, ни в коей мере! Сергей Константинович Панкеев, наш с вами соотечественник, ставший знаменитым фрейдовским пациентом, будучи ярким носителем «русскости» никак не вписывается в рамки данного архетипического образа. Какой же он Волк? Он всего лишь видит волков во сне; и не только в детском сне, который он постоянно припоминает. Фактически он спит постоянно, его психика нарциссична, т.е. почти абсолютно замкнута, представлена как бесплотное отражение отражений (как в зеркальной комнате), где реальные предметы и события теряются, переплетаясь с мириадами фантомов.

Фрейд как профессиональный сновидец не только легко замечает это; он осторожно и медленно пытается разбудить своего клиента, постепенно подготавливая его к встрече с реальностью. Пытается разбудить, но, к счастью для «русскости» Панкеева, не преуспевает в этой попытке. Панкеев, судя по его мемуарам, так и проспал всю свою жизнь, чередуя занимательные сны о мудреце Фрейде (который на самом деле ума не мог приложить, что ему делать с этим странным пациентом) с романтическими грезами о жене-испанке (на самом деле – испуганной еврейской женщине, покончившей жизнь самоубийством в 1938 году, предпочитая умереть, но не разрушить грезы любимого мужа вынужденной эмиграцией) и травматическими снами, где действительно кишели волчьи проекции в диапазоне от того же Фрейда до офицеров советской армии, оккупировавшей Вену.

Он просто спал и видел сны. И он был не уникален – точно так же спала и видела сны та людская масса, которая дала ему жизнь и от которой он отделился территориально, но не духовно. И это были все те же сны: о мудром кремлевском старце, единственно не спящем в покрытой тьмой стране, о любви к Испании, о страшном Волке-людоеде, покусившемся на нашу Родину-Мать. Поле русских снов едино. Именно оттуда, из наших снов, мы и выносим свою «русскость» в окружающий нас мир, удивляя его алогичностью, а порою и бредовостью наших деяний, желаний и мечт.

Волчья метафора явно неадекватна такому вот типу психической организации – замкнутому на себя сновидцу-нарциссу, живущему в поле своих сновидений, даже в видимом бодрствовании прибывающему в трансовом подключении к иллюзорным, виртуальным формам

опыта. Здесь скорее уместен образ Медведя, сосущего свою лапу в берлоге и сладко посапывающего во сне.

Образ этот настолько адекватен нашей идентичности, что на уровне элементарного его представления мы уже замечаем – что-то тут не так. Наш Медведь не спит, он бродит по ледяной равнине, поджав голодное брюхо, и мучительно зевает, пытаясь снова уснуть. Это не добрый Мишка, это – медведь-шутун, разбуженный и опасный, изгнанный из разрушенной берлоги и потерявший нить и смысл своей сновидческой жизни.

Каждый, кто способен увидеть в этом образе себя и свой народ, понимает, что наша общая судьбоносная задача заключается в том, чтобы вновь усыпить этого Медведя, убаюкать его, т.е. восстановить во всей былой красе его страхи, иллюзии и проективные фантазии.

За пару десятилетий своих шатаний наш Медведь поднакопил солидный «дневной остаток» (т.е. потенциал нереализованных желаний), которого ему хватит на многие десятилетия сна.

Мы все понимаем, что хватит ему шататься, пора залегать в берлогу.

Проблема в одном – у нашего Мишки больше нет берлоги. Он ищет пути к привычному трансу и не может их отыскать. Он утерял ритуал засыпания, забыл позы сна и давно не слышал колыбельных песен.

Он даже не подозревает, что для этого и, пожалуй, только для этого и был придуман классический психоанализ. И мы уже давно ждем его у своих кушеток.

17. ПСИХОАНАЛИЗ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Не стоит даже пытаться отождествлять (и даже смешивать) психоанализ и то, что ныне подразумевают, говоря – «я практикую психоанализ», т.е. с психотерапией.

Общего между ними так мало, что этим общим вполне можно пренебречь. Каждый из тех, кто воспроизвел в себе фрейдовский опыт анализа (и только так, если ты не самоубийца), обретенную в этом опыте «психоаналитичность» может при желании использовать для добывания средств для существования в любой сфере человеческой деятельности. Психоаналитичность делает более эффективными любые наши усилия; Фрейд, так уж случилось, был врачом и потому он монетизировал свою «психоаналитичность» через терапию. Не сделав ее, правда, более эффективной (чего не скрывал, отрицая вообще любые точки соприкосновения психоанализа и медицины), но сделав ее более эффективной.

И если кто-либо найдет в наследии создателя психоанализа хоть один пример излечения пациента, я буду ему благодарен. Я же перерыл все его тексты, заметки и письма, но ничего подобного не обнаружил. А обнаружил во множестве замечания совершенно противоположного рода, типа такого: *«Поскольку меня совершенно не интересовал вопрос о частоте положительных результатов лечения, я нередко брался и за такие случаи, которые граничат с психопатологией...»* (письмо Юнгу от 06.12.1906 г.). А вот характерная его фраза из книги «Из истории одного детского невроза, знаменитого «случая Человека-Волка»: *«анализы, приводящие к благоприятному исходу, ценны для самочувствия терапевта; для исследовательских целей они, по большей части, ничего не дают... Новое можно узнать только из анализов, представляющих особые трудности, где аналитик оказывается в состоянии отказаться от близорукого терапевтического самолюбия».*

Именно поэтому, кстати, т.е. для того, чтобы не порушить иллюзии «терапевтичности психоанализа», до сих пор засекречены многотомные фрейдовские клинические записи. Но сам он постоянно твердил – *«только не стремитесь исцелять! получать знание и зарабатывать деньги – вот вполне достойные цели!»*. Для чего нужно это знание – другой вопрос; частично его мы тут как раз и обсуждаем.

И последнее. Если вы кого-то «чувствуете» и готовы его (в качестве пациента) избавлять от страданий и проблем, работая по многу часов в своем кабинете – это достойно всяческого уважения. Но вы даже не представляете себе – насколько это звучит странно в контексте нашей «психоаналитичности»...

Ведь психоаналитик может и должен чувствовать только себя и понимать эти свои чувствования. В результате анализа мы научаемся делать только это, но зато это мы умеем делать очень хорошо, превратив свое БСЗ, как говаривал Фрейд, в рабочий инструмент...

Психоанализ в его первичном смысле есть сфера тотального эгоизма, где фокус интереса – я сам в состоянии «здесь и сейчас».

И нет тут еще никакой «практики» и никаких «пациентов».

Тут вообще никого нет – только ты сам и БСЗ...

Как в молитве, к примеру...

18. О ЗНАЧИМОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ПСИХОАНАЛИЗЕ

«Практикуя» свою психоаналитичность, мы приманиваем людей надеждой, а работаем с любовью. Но без веры все это – бездушный хлам, пустышка, «кимвал звенящий»...

А что такое вера взрослого человека? Это тот контекст, где единство чувства, мысли и действия иллюзию трансформирует в реальность.

Вне же веры эта исцеляющая иллюзия деградирует до состояния манипулятивного вранья. Вот такие слова сегодня у меня наготове для тех коллег, кому религиозные рамки разговоров о психоанализе не близки. А на что мы будем опираться без рамок/границ? То-то и оно... Из всех же рамок и границ религиозные – самые человеческие... Тем более, что только они позволяют нам пускать Смерть внутрь своей реальности и жить с нею бок о бок в длительном перемирии.

И если мы ищем контекст, внутри которого мы можем говорить о психоанализе, не коверкая его историю, его нынешнее в нас состояние и его перспективы, то мне, как, впрочем, и Фрейду с Юнгом, религиозный дискурс кажется наиболее для этого пригодным. Не научный (психологический или нейрофизиологический), не философский, не психотерапевтический, а именно религиозный.

Тут все опять пошло по кругу и Новое Средневековье требует новой религии, а мы по инерции все заигрываем с когнитивностью и «осознаванием».

О какой востребованности при этом может идти речь? Только о деградации и растворении в психотерапии. И о неминуемом отказе от «психоаналитичности» в пользу «психотерапевтичности».

Если изгнание Юнга в 1914-м из психоанализа было ошибкой, то изгнание из него Фрейда в 1926-м после его призывов к организации психоанализа как сообщества светских священников по модели Армии Спасения было ужасной катастрофой.

Нужно возвращаться к истокам «движения», а то нас уже даже расстановщики с их примитивным шаманизмом начинают теснить...

19. КАК ПОСТИГНУТЬ ПРИРОДУ И СМЫСЛ ПСИХОАНАЛИЗА

Психоанализ – это совокупный результат фрейдовских изысканий, полученных в результате его самопознания и апробированный на каждом из этапов этого самопознания в практике особым образом организованного воздействия на пациентов, вводимых в измененное состояние сознания. И выраженный в его текстах.

Понять его природу и смысл непросто, но возможно. При условии, что ты (1) знаешь о Фрейде все, что можно знать; (2) перечитываешь его работы и письма в фоновом режиме многократно и вдумчиво; (3) воспроизводишь в себе его аналитический опыт.

Если же тебе на все это глубоко и открыто наплевать, но ты исполняешь некие корпоративные установления и имеешь в результате набор бумаг, подтверждающих твоё право на психотерапевтическую практику, то все это прекрасно. Но вообще никакого отношения к психоанализу не имеет. Тут мы, по словам Фрейда, имеем дело с Посторонним, общение с которым утомительно, ведь он даже слов наших не понимает, не будучи погруженным в психоаналитический дискурс.

20. ФРЕЙДИЗМ КАК РЕЛИГИОЗНАЯ ПРАКТИКА ПРЕДЕЛЬНО ПРОСТ...

Фрейдизм как религиозная практика, основанная на вере в БСЗ, предельно прост, как просты наша жизнь и наша смерть. Стань взрослым, надейся только на себя, слушай голос Смерти и страдай, не давая ей захватить власть над тобою. Страдай и живи, защищая близких и делая свое дело. И будь готов умереть тогда, когда это сопротивление влечению к Смерти станет невыносимо трудным и нестерпимо болезненным. Умереть и исчезнуть. Без сопливых надежд и причитаний. Умереть, уйти в БСЗ, слиться с ним и говорить с потомками оттуда. Все просто. Да – и никакого ладана...

21. ПОДУМАЛОСЬ...

Сильную все-таки мы выстроили маскирующую иллюзию!

БСЗ уже воспринимается как нечто научное. А оксиморон «знание о БСЗ» уже никому не режет слух...

Мне даже кажется, что мы перестарались. И пора снова напомнить о том, что БСЗ есть Нечто, абсолютно запредельное нашему опыту. И все, что у нас «на него есть» – это лишь некоторые догадки, в которые мы верим, и символы, которые мы истолковываем.

22. УРОВНИ БЫТОВАНИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Я давно собираюсь подробно описать «прагматику» возвращения к исходным смыслам и целям психоанализа (под обновленным лозунгом «Вперед к Фрейду!»). И сделаю это обязательно. Здесь же могу обозначить главное – начать следует с четкого разделение сфер «бытования» психоанализа на «сакральную» и «мирскую».

С соответствующими уровнями его понимания и его воспроизведения как «духовеством» (раздельно «белым», монашеско-академическим, и «черным», служилым, практикующими психоаналитиками как батюшками и матушками), так и мирянами.

Эти три уровня «знания» и «практики» вообще не должны смешиваться. Такое смешение как раз и порождает всю путаницу при разговорах о психоанализе и психоаналитиках и при попытках на базе этих разговоров выстроить некое универсальное и единое основание психоаналитических практик.

Которое просто невозможно: практики психоанализа и вправду унифицированы в рамках своих прагматических целей, но вот их основание (как понимание и как переживание) ранжируется в зависимости от уровня посвящения в тайны БСЗ.

Фрейд изначально строил ПА по модели масонской ложи, как пирамиды, четко дифференцированной по уровням посвящения. Либо нечто подобное будет восстановлено, либо этот гротеск будет и далее воспроизводится в комичном виде навязчивого карго-культа...

Поясню сказанное на примере. Скажем, Отто Кернберг, один из величайших ныне живущих психоаналитиков, в своей книге о проблемах психоаналитического обучения говорит как «посвященный», как «монах-академик», как иерарх нашей Церкви. Во фрейдовские времена он был бы, несомненно, членом Тайного комитета... И обращается он при этом к себе подобным... А вот проводя семинары по трансфер-ориентированной психотерапии, он говорит с «черным духовенством», работающем «в поле» и потому снижает уровень «психоаналитичности», разговаривая об адаптации, о работе и учебе пациентов и пр. вещах, на более высшем уровне абсолютно бессмысленных. А выпусти его в неподготовленную аудиторию, он говорил бы сплошными метафорами, думая только об одном – не навреди – и создавая импульс «страха Божьего»...

Вот, как-то так.

23. ПОДУМАЛОСЬ...

В нынешнем психоанализе есть одна «подлянка», которая все не дает мне покоя.

Ведь формула – «покуда не оборотитесь и не станете как дети, покуда не умалитесь как они, не войдете в Царствие Небесное» – она несомненно верна, но...

Умалять и удерживать в инфантильной регрессии мы научились и даже обучаем этому в режиме профессионального тренинга.

А вот дверцу (или лестницу?) в это Царство потеряли.

И просто за деньги умалеем и оборачиваем, оборачиваем и умалеем...

А вот зачем?

24. МИССИЯ ПСИХОАНАЛИЗА КАК ДЕЯТЕЛЬНОЕ ПОКАЯНИЕ

Категорически согласен с такой вот прочитанной недавно мыслью: «для того, чтобы понимать (или вспоминать) природу и миссию психоанализа, нужно к этой самой природе вернуться через путь исправления (покаяния), иначе она так и останется неосознаваемой и непрочувствованной...».

Именно так и описал Фрейд на примере истории иудаизма трансформацию коллективной навязчивости в живую религию в своем «Человеке Моисее». Именно такого финала он ожидал и от порожденного им психоанализа. Именно так – через вину и деятельное покаяние (в том числе и за культуральное отцеубийство) психоанализ и возродится «во славе» своей миссии.

Но предварительно «из пустыни» должны являться пророки и стыдить «избранный народ», напоминая ему о смысле этой миссии, забытой и частично воспроизводимой лишь в режиме obsessions.

Роль такого пророка я и пытаюсь играть «здесь и сейчас» по отношению к отечественному психоанализу. Завершающему ныне свое латентное существование и подходящему к «решительному этапу», за которым – рождения или же гибель, растворение в психотерапевтических практиках.

А уже потом, на почве, засеянной пророками, явится Мессия и запустит эту миссию в жизнь. Запустит, кстати, новой жертвенностью – и потому эту роль никто играть не хочет. Ее в свое время попытался сыграть Лакан – и в результате, как видите, народилось на мертвом поле нечто живое. Но Лакан – Мессия для французов. И чтобы войти в зону активности его жертвенного подвига нужно отречься от своих корней и припасть к чужим – языковым, культурным, коммуникационным, и пр.

25. РЕЛИГИОЗНАЯ ПРИРОДА ПСИХОАНАЛИЗА КАК ТАЙНА

Все инициированные мною в последнее время разговоры о психоанализе как разновидности религиозной конфессии отнюдь не означают, что я призываю коллег (да и себя тоже) в той зоне, где мы «работаем», т.е. трансформируем свою «психоаналитичность» в профессию, афишировать нашу сущностную природу, основанную на вере в БСЗ и на производных от нее факторах: вероучении, культе и церковной организации.

Отнюдь... Для нашего общего дела, для нашей корпоративной миссии, будет гораздо «пользительнее», если «в миру» мы будем и далее свое вероучение выдавать за научную метапсихологию, свои чудеса – за экспериментально апробированную психотерапевтическую методику, а свои формы конфессиональной саморганизации – за профессиональные корпоративные сообщества.

И мы это будем делать, маскируя свою истинную природу и миссию, до тех пор, покуда не получим явный и недвусмысленный запрос на новую религию для нового человека. Запрос не на объяснение, не на исцеление, а на веру, без которой дальше жить станет невозможно. И только тогда мы «в миру» сбросим маскировку и открыто скажем: вы Бога хотите? – Он есть в нашем психоанализе! Мы его не нашли и не возродили, мы его вырастили, слепили как Голема из ваших же снов, фантазий и симптомов, оживили и подключили его к вам. Живите теперь его волей при нашем священническом посредничестве...

Ну а пока мы ожидаем этого судьбоносного и для людей и для нас, психоаналитиков, события, своего рода – цивилизационного переворота, ради приближения которого мы и были некогда созданы и отправлены в будущее (подобно команде космического корабля, поколениями летящая к далекой цели), нам нужно просто помнить о своей природе и о своей миссии.

И уподобляться не своей пастве, которой мы рассказываем сказки, рядясь в маски психологов, психотерапевтов или философов, а нашим античным коллегам – авгурам, которые, оставшись в своем кругу, сбрасывали маски и, с улыбкой поминая тот оперативный бред, которым они приманивали паству к своим алтарям, начинали говорить об истинно важных вещах.

Вот для этого я и предлагаю вам, коллеги и друзья, эту тему для разговоров. Чтобы мы все вспомнили свою природу и миссию, и чтобы мы впредь их не вытесняли.

Чтобы мы от них отталкивались, организуя свое психоаналитическое пространство и общаясь в его пределах друг с другом.

И тогда многое в нашей жизни упростится и прояснится.

В особенности – ритуалы сеттинга, а также те ритуалы тренинга и корпоративного взаимодействия, которые, вне контекста их реального смысла, порою и вправду начинают напоминать навязчивые (обсессивные) проявления.

26. О ПСИХОАНАЛИЗЕ КАК ПРОФЕССИИ

Любой социум обязательно формирует зоны дополнительной дисциплинаризации, создаваемые специально для людей, случайно или намеренно освободившихся от морока «добровольного принятия» социальных норм и ограничений, от позиции социализации как самоотречения... В том числе и для таких людей как психоаналитики, чья исследовательская позиция по отношению к культурной символике и навязчивым формам отыгрывающей ее социальности выводит их (т.е. нас) из-под фонового социального принуждения и контроля.

Такие зоны (своего рода – специализированные дисциплинарные пространства) подобны клеткам с приманкой, помещенным на воле, за пределами зоопарка. И наша психоаналитическая приманка этого рода – искушение «профессией».

«Профессия» позволяет нам снова побыть «просто людьми», продемонстрировать свою нужность и востребованность, окунуться в интересубъективные игры зависимости и созависимости, любви и отторжения. Дает возможность общаться с собой как это делают обычные люди – не непосредственно, а опосредованно...

И за это отречение от своей «психоаналитичности», за этот отказ от той нашей самодостаточности, о которую социум ломает все свои крючки, за замену «ухода за Стену» играми у «кормилки-поилки» (помните – как точно все это описал Пелевин в «Затворнике и Шестипалом») еще и деньги платят. Ими, правда, приходится все время делиться, но таковы правила социума, он всегда выстроен пирамидально...

Так что выбор тут прост: оставить такими усилиями обретенную «психоаналитичность» себе, или же – выставить ее на продажу и сделать деятельное отречение от нее профессией.

И, кстати говоря, я не осуждаю этот второй путь. Тем более, что в моем случае, случае психоаналитика-исследователя, это легко можно было бы оценить как попытку хаять вечнозеленый виноград. Я только демонстрирую его парадоксальность. А так – никаких проблем. «Психоаналитичность», а особенно – ее устойчивое (стабильное) состояние, дается нам настолько большими усилиями и даже муками, что каждый из нас имеет право делать с ней все, что пожелает. В том числе и инвестировать ее в «денежную машину», приносящую стабильный доход.

Лично же меня тут волнует только две вещи.

Во-первых то, что в придуманную для нашего «укрощения» профессию пришли прагматики, которые не только изначально не являются носителями «психоаналитичности», но и все чаще начинают вообще отрицать ее необходимость (а порою и ее возможность).

А второе – это их воинственное стремление ту профессию, которая призвана трансформировать «психоаналитичность» в социальность, а психоаналитика – в обычного человека, выдавать за психоанализ как таковой. И, гордо считая часы стажа своей терапевтической работы, смотреть на психоаналитиков, не торгующих своей «психоаналитичностью», а культивирующих ее в режиме самоотношения, с презрением, вопрошая их – а занимаются ли те «психоаналитической практикой»? И считают психоаналитиками только тех, кто не только такой практикой занимается, но и супервизирует ее, т.е. получает подтверждение от других таких же практиков в своей «психоаналитичности». Какой-то перевернутый мир, буквально – анти-психоанализ...

Причем я тут говорю не о российских «перегибах на местах», а тенденции, выдающей себя за мейнстрим. В той же IPA психоаналитические статусы производны от «зачета по двум прологнигованным и супервизируемым клиническим случаям». А с какого это перепугу?

27. О ПОСТАНАЛИТИЧЕСКИХ ЛЮДЯХ БЕЗ ВРАНЬЯ И КРИВЛЯНИЙ

Из глубинных ответвлений своей ФБ-ленты, из своего рода – корневой системы своего «здесь и теперь», решил я вытащить вопрос одного своего ФБ-собеседника, скептически настроенного по отношению к психоаналитической мифологии, но явно тянущегося к ней и потому стремящегося к диалогу. Мне показалось, что ответ на него стоит вытащить на свет и предъявить всем интересующимся психоанализом как своего рода откровенное признание.

Вот этот вопрос, заданный Юрием Солошенко (авторский стиль сохранен в неизменном виде):

Юрий Солошенко Я прошу помочь мне разобраться тех, кто хочет или может это сделать. Почему считается a priori, что человек, прошедший психоанализ, становится качественно иным, приобретает свойства, которые никогда и низачто не будут у тех, кто его не прошел. Становятся некими стругацкими «люденами». А доказать, обосновать или показать на примерах. История психоанализа и судьбы психоаналитиков говорят больше об обратном-много суицидов, сумасшедших, фриков. Да и в личной жизни масса проблем.

Отвечаю:

Странно, Юрий, что никто из моих друзей и подписчиков не пожелал Вам помочь в прояснении Ваших недоумений по поводу людей, прошедших психоанализ. Скорее всего причиной тому – успех моих постоянных нападков на тех псевдо-коллег, которые притворяются психоаналитиками, сами этого опыта не имея и не представляя даже, как и кем именно им нужно притворяться. Они терпели-терпели, да и попрытались от меня подальше. А кроме них никто не настаивает на том, что человек, проанализировавший себя, становится лучше, приближается к некоему идеалу.

Те же, кто этот опыт имели, пережили его и живут с его результатами (всегда неожиданными для нас), никогда такого не скажут. Тем более – о себе. А результат своего анализа – это все, что мы знаем о психоанализе, все остальное суть домыслы; даже сам ЗФ знал о психоанализе только это. Но это мы знаем. И вот, что я Вам тут скажу, не кривляясь и не пытаясь кого-то обмануть. Психоанализ дает нам в итоге только одно – возможность жить собственной жизнью и умереть собственной смертью. А не жить в режиме тотальной дисциплинаризации, и не быть в итоге убитым собственным БСЗ только за то, что не мог научиться говорить с ним.

Это круто, это и есть единственно реальная свобода, доступная человеку. Но...

Но познание самого себя, выявление «настоящего себя» и слияние с ним, перереформирование себя под эту подавленную в БСЗ свою подлинную идентичность, выпускает на волю не ангелов, а демонов. Из нашей Тени, вытащенной на Свет, лезет такая гадость и такая жуть, что каждый из нас многократно пожалел, что пошел этим путем. Но назад уже дороги нет. И потому слияние с этой гадостью, принятие ее и изменение себя и своей жизни с учетом ее интересов – это и есть те дары, которые нам приносит психоанализ. Приносит и насильно загоняет в позицию человека не от мира сего. Так что «фрики» и «сумасшедшие» – это еще неплохая социализация для постаналитических людей.

А по поводу нашей «личной жизни» Вы зря переживаете; тут у нас проблем не бывает, причем – по определению. Поскольку наша личная жизнь протекает в иной реальности. А точнее, в ней есть только одна проблема – проблема ее конечности, больно уж она интересна и неисчерпаема. Подробнее не буду, тут много личного, скажу только, что психоанализ очень многое у нас отнимает, но дает взамен нечто самое главное, не доступное на иных путях: воссоединение всего, что было так травматично в нас разорвано и вывернуто наизнанку.

Что же касается суицида, то тут не поспоришь – бывает и частенько. Но ведь это право, право на свою собственную, а не навязываемую, смерть, мы заслужили честно.

И последнее. Дело в том, что все это пояснение, которое я, Юрий, дал в ответ на Ваш вопрос, основано на моем личном опыте. Ваша же позиция, как бы вопрошающая, но по сути – обличающая, основана на мнении Постороннего. Вы та и пишете – «считается *argiori*, что человек, прошедший психоанализ становится...». Кем считается? С чего вдруг?

А у нас ничего «*a priori*» не бывает, у нас все «*a posteriori*».

Чувствуете разницу?...

28. ПАРАДОКСЫ НЕВОЗМОЖНОЙ ПРОФЕССИИ: ПСИХОАНАЛИТИЧНОСТЬ КАК ТОВАР

Многочисленные дискуссии по проблемам корпоративной этики и контроля над ее соблюдением, которые бушевали в российском психоаналитическом пространстве в последние годы, привели к очень странной ситуации.

Помимо боевых возгласов – «А судьи кто?» и «А ты кто такой, чтобы...» – итогом этих споров стало настолько ясное понимание парадоксальности психоаналитической этики, что даже инициаторы всех этих споров утихли и задумались о невозможности психоанализа как профессии.

Тут ведь и на самом деле все очень просто; просто до состояния парадокса.

Быть психоаналитиком – значит принимать себя в полном объеме тех «расширений», которые стали результатом собственного анализа. Повторяю – не критиковать себя, не казнить, не оценивать, не выставлять границы, не прятаться от себя и не отрекаться – от себя, а принимать...

Точно так же и в психоаналитической терапии мы ведем себя по отношению к нашим клиентам, демонстрируя им возможность такого вот – принимающего – отношения к ним, отношения, которое они могут в наших кабинетах прочувствовать и в котором они могут закрепиться. Могут научиться не казнить себя, а миловать; не мучить себя, а радоваться себе.

Но вот к самим себе в этой ситуации мы, психоаналитики, так относиться уже не можем. Не можем принять все, что порождает у нас это общение, выставляем по отношению к себе жесткие запреты и ограничения, добровольно принимая контроль за их исполнением со стороны корпоративного Супер-Эго (этических комитетов и т.п.).

Т.е. в ситуации «монетизации» своей «психоаналитичности» мы вынужденно выходим за пределы своего психоанализа, перестаем «быть психоаналитиком». Образно говоря, мы передаем свою «психоаналитичность», т.е. право на абсолютное принятие себя как ценности, своим клиентам, а сами от нее отказываемся. И не просто передаем, а продаем ее за деньги.

И отказываемся мы от своей «психоаналитичности» явно неохотно, сопротивляясь. О чем и говорит необходимость жесткого внешнего контроля, так многих раздражающего.

Много споров я слышал по поводу того – чем именно торгует психоаналитик. Вариантов ответа слышал тоже немало – от мудрости до времени. А точный ответ таков – мы торгуем своей «психоаналитичностью», отрекаясь от нее во имя другого. И передавая ему все те дары, которые получили по итогам своего психоанализа.

Это и в правду звучит просто. Просто, как любая гадость, лишенная маскирующих иллюзий.

Выходит, что психоаналитическая практика – это дисциплинарное пространство, созданное специально для того, чтобы контролировать и социализировать психоаналитиков, лишая их той свободы (и от своей Тени, и от дергающей нас за теневые струны Культуры), которую нам дает психоанализ. Все это старо как миф, отражено в классической притчевой символике: «право первородства» или «чечевичная похлебка» – выбирай...

Вывод тут тоже прост и яростно логичен. В психоанализе выигрышна не активная, а пассивная позиция; в нем лучше быть анализандом, а не аналитиком. Вечным студентом, а не усыпанным лаврами и званиями профессором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.